

**Вопросы истории и культуры
северных стран и территорий**

**Historical and cultural problems
of northern countries and regions**

Научные статьи

УДК 904

**Секира с реки Пожег, дворец афшинов Уструшаны
и святой Меркурий**

Семенов Вл.А.¹, Семенов Н.В.²

Аннотация. Данное сообщение посвящено трем художественным явлениям – найденной на реке Пожег парадной секире, связанной с ананьинской культурой, изображению божества на стенных росписях VIII в., открытых во дворце афшинов (правителей) Уструшаны и коптской иконе XVIII века с изображением Святого Меркурия, написанной Йоханной Аль-Армани в Каире. Все три предмета связывает наличие зооморфного навершия. Форма секиры позволяет соотнести с топором скифского происхождения Сагарисом. Украшение обуха и навершия втулки грифоноподобными головами сближает ее с рядом памятников центрально-азиатских кочевников на территории Средней Азии, в свою очередь среди которых длинные всаднические мечи сарматского типа продолжают использоваться согласно данным археологии до VII-VIII вв., они часто изображаются на произведениях монументальной живописи раннесредневекового Согда и Уструшаны. К последней относится найденная во дворце правителей роспись, сохранившая детально прорисованное зооморфное навершие рукояти меча. Это и другие воспроизведения оружия с аналогичными навершиями свидетельствует, что оно было очень статусным и владеть им мог царь, мифологический герой или божество. Не противоречит такой трактовке и изображение Святого Меркурия, поражающего подобными мечами гонителя христиан Юлиана Отступника, правившего в середине IV века, то есть спустя столетие после мученической смерти святого.

Ключевые слова: Ананьинская культура, секира, Уструшана, всаднический меч сарматского типа, зооморфное навершие, коптская икона, Святой Меркурий.

Sagaris from Pogeg River, palace of afshins of the Ustrushana and the Saint Mercurius

Semenov V.I.¹, Semenov N.V.²

Abstract. Our report was inspired by three objects of art, which very differ by provenance. The first of them, bronze battle-axe (sagaris) was found close to Pogeg River near Syktyvkar and most possible related to Ananyino culture. The second one is 8th century wall paintings of the Minor Throne Hall of Kala-i-Kahkaha afshins' palace in Ustrushana (Northern Tajikistan, Uzbekistan) and third object, Coptic icon with image of Saint Mercurius was painted by Yuhanna Al-Armani in 18th century (Cairo, Egypt). But all of them decorated with gryphon's head-shaped pommels. Configuration of viewed battle-axe is comparable to the Sagaris, Weapon of Scythian origin according to writers of Antiquity. The remaining fragments of mural in Kala-i-Kahkaha afshins' palace show various ornamented details. The most interesting of them are represented by an image of Deity or epic hero that occupied the center of west wall. Numerous representations of similar images in various materials and techniques enable to identify his richly decorated weaponry as variation of sarmatian long sword with typical suspension system. Hilts of the sword and the dagger of Deity on our mural are decorated with gryphon's head-shaped pommels. Such gilding of the pommels also appeared to nomad's ancient tradition and in time this form of decoration of weapon became used as an attribute of royal or divine power. Pommels of this type are represented on Coptic icon with image of Saint Mercurius (Abu Seifein), who was a Scythian origin.

On our opinion explored battle-axe was ceremonial or ritual weapon that attributed his owner to high elite.

Keywords: Ananyino culture, battle-axe, Ustrushana, sarmatian long sword, gryphon's head-shaped pommels, Coptic icon, Saint Mercurius

¹Семенов Владимир Анатольевич, кандидат исторических наук, профессор кафедры зарубежного искусства Санкт-Петербургского Государственного академического института живописи, скульптуры и архитектуры имени И.Е. Репина. Университетская наб., д. 17, 199034, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация.

Semenov Vladimir Anatol'evich. PhD, Professor of Prehistoric Art, Professor of the Department of Foreign Art of the St. Petersburg State Academic Institute of Painting, Sculpture and Architecture named after I.E. Repin, Academy of Art. Universitetskaia emb., 17, 199034, Saint Petersburg, Russian Federation.

²Семенов Никита Викторович, научный сотрудник Отдела Востока Государственного Эрмитажа. Дворцовая наб., д. 34, 190000, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация.

Semenov Nikita Viktorovich. Staff member of Orient Department of the State Hermitage museum. Dvortsovaia emb., 34, 190000, Saint Petersburg, Russian Federation.

E-mail: nikitasmnv@gmail.com

© **Вл.А. Семенов**

© **Н.В. Семенов**

Данное сообщение посвящено трем художественным явлениям, на первый взгляд совершенно несовместимым по хронологии и географическому положению: ананьинской секире найденной школьниками в 1982 г. на поле у реки Пожег (Республика Коми) [23, С. 244–245], стенной росписи VIII-IX вв. с изображением божества во дворце афшинов Уструшаны (Шахристан, Таджикистан) [8, С. 264–273; 26, С. 32, ил. 20–25, 126] и коптской иконе XVIII в. с изображением Святого Меркурия (Каир, Египет) [34, р. 84].

Тем не менее, рассматриваемое оружие – секиру, изображение меча на росписях из дворца правителей Уструшаны и изображение мечей в руках святого связывает наличие зооморфного навершия в виде головы грифона или хищной птицы.

В контексте классификации холодного оружия форма рассматриваемой секиры позволяет отождествить ее с сагарисом (др. греч. σαγαρίς) – боевым топором скифского происхождения, имеющим вытянутое лезвие с тяжелым обухом изогнутой или заостренной формы, в нашем случае в форме птичьей головы с хищным клювом. Секира, несмотря на отсутствие точного археологического контекста, благодаря ярко выраженным стилистическим особенностям, мастерству исполнения и великолепной сохранности соотносится с рядом аналогичных предметов ананьинской эпохи, найденных на территории северного Поволжья и бассейне Камы [25, С. 320–321; 6]. По одной из гипотез ананьинцы отождествляются с аргиппеями, народом, проживающим согласно Геродоту, к северо-востоку от скифов и сарматов. К скифам отец истории отнесил также и саков, про которых писал: «саки, они же скифы, имели на головах прямые остроконечные шапки, они носили анаксириды, имели местные луки, кинжалы и топоры-сагари» [Hdt.1.215, 4.5, 7.64]. В этой связи интересен археологический материал Средней Азии. В частности, из погребения 2-го кургана Орлатского могильника под Самаркандом происходит костяная поясная пластина с изображением сражающихся воинов, один из них вооружен аналогичным топором [21, С. 122–156]. На той же же пластине часть воинов вооружена длинными клинками, а в самом кургане были найдены с фрагментированным длинным мечом нефритовое перекрестье и обломанная скоба [5, С. 169–193]. Такого типа мечи соотносятся со вторым из рассматриваемых нами явлений – росписью во дворце афшинов (правителей) Уструшаны (совр. Северный Таджикистан, Узбекистан) [41, р.174–179]. Ее история и культура была тесно связана с Согдом, население области говорило на согдийском диалекте. В ахеменидский период Уструшана, очевидно, была частью Согдианы, и входила в империю Кира Великого [4]. С 1955 по 1972 год в районе Шахристана проводились систематические раскопки под руководством Н.Н. Негматова, и в восточной части городища Калаи-Кахкаха было открыто большое сооружение со сложной планировкой (Калаи-Кахкаха I). Судя по комплексу находок и внутреннему декору оно, скорее всего, являлось царской резиденцией, построенной в VII-VIII веках [18, С. 6]. Наибольшее количество фрагментов живописи было найдено в Малом парадном зале, площадью 95

кв. м. Мастер росписей «Малого зала» в целом придерживался согдийской традиции, хотя Б.И. Маршак указывал на возможную причастность мастеров к восточнотуркестанской школе [13, С. 22]. Стенопись зала, расположенная в три яруса, посвящена теме борьбы людей и демонов. Батальные, религиозные и бытовые сцены состоят из многочисленных фигур, расположенных в одну линию на переднем плане на локальном фоне синего оттенка. Повторение одних и тех же персонажей свидетельствует о повествовательном характере живописи.

Наиболее тщательно выполнена мужская фигура, расположенная в центре всей композиции, которая занимает по высоте все три живописных яруса – напротив входа в помещение, в центральной части западной стены. Восседающий на троне с протомами в виде конских голов на изогнутых шеях персонаж с седой клинчатой бородой вписан в украшенную орнаментом арку, опирающуюся на мандорлы с расположенными внутри фигурами музыкантов. Тонкий рисунок роскошных узорчатых одежд отличает также и детали его меча, о котором идет речь в этой статье [27, ил. 20–25, 126; 1, С. 121–133]. Левая рука персонажа опирается на перекрестье меча, изогнутая рукоять которого украшена навершием в виде головы дракона, тканым поясом перехвачен кинжал с зооморфным навершием в виде головы грифона, ножны украшены орнаментированными накладками с цветными вставками.

Меч рассматриваемого персонажа по своим морфологическим признакам представляет раннесредневековую разновидность длинного (около метра и более) двулезвийного меча со штырьковой рукоятью, данный тип мечей по ряду признаков восходит к сарматским клинкам I–III вв. хотя и имеет от них ряд отличий. Общим для них является способ ношения на портупейном ремне с помощью скобы на ножнах, длинные зауженные до 4 см клинки, длинная рукоять [19, С. 122–123]. В задокументированных комплексах наличие больших или малых бусин рядом с клинком, служивших, очевидно, фиксатором портупейного ремня, что вкупе с иконографическим материалом позволяет реконструировать способ ношения длинных мечей [7, С. 23]. Подобный тип меча был зафиксирован в Тулхарском могильнике, относящемся ко II в. до н.э. – I в. н.э. [20, С. 165]. Немногочисленные находки фрагментов типологически близких мечей в Пенджикенте, Афрасиабе и Куль-Тобе, относящиеся к

слоям VII-VIII вв., подтверждают точку зрения об использовании подобных клинков на территории Согда в раннесредневековый период [22, С. 78].

Многочисленные изображения таких мечей на китайских и кушанских рельефах, произведениях Сасанидской торевтики и даже пальмирских рельефах, свидетельствует о широком их распространении на протяжении более восьми веков [43, р. 95]. Мечи рассматриваемого типа в ножнах со скобой встречаются в согдийской живописи VIII века – на росписях Древнего Пенджикента, - в сцене пира на западной стене Черного зала (помещение 1 VI объекта) [29, р. 108; 33, р. 186], на росписях Афрасиаба – в сцене на южной стене, где показано прибытие тохаристанских или чаганианских купцов [2, С. 43–46; 36, р. 90–91; 35, р. 16–57], в живописи Восточного Туркестана этого времени, например, у воинов в сцене осады Кушинагары [10, С. 252; 32, р. 158]. Согласно идее, выдвинутой Б.И. Маршаком относительно актуальности встречающихся в живописи деталей, эпические и мифологические сюжеты могут демонстрировать реалии – одежду, оружие и т. п. – более ранней эпохи, чем та, в которую создавалась сама роспись, в то время как для сцен бытового характера или повествующих о современных событиях характерно изображение современных художнику деталей. К последним явно относится и прием послов при дворе Вархумана на росписях Афрасиаба. Здесь можно видеть, что согдийцы и тюрки носят меч на наклонной подвеске, в то время как гости из Чаганиана (Тохаристан) на вертикальной – типологически архаичной [3, С. 53–73; 31, р. 199–212]. Появление наклонной подвески посредством крепления ножен за два выступа относят к концу VI века для мечей и к началу V для кинжалов. В Так-и-Бустане на рельефах начала VII века мечи в ножнах со скобой изображаются уже как церемониальное оружие [37, р. 393], в то время как на произведениях согдийской живописи VIII века они встречаются довольно часто. Даже если здесь мы имеем дело с отображением оружия, бывшего в употреблении именно в период функционирования дворца, которое также «служило» и героическим предкам уструшанцев, то, скорее всего, использовали его как церемониальное. Сохранение вертикальной подвески в этот период подтверждается находкой такой скобы из светлого прозрачного камня в соседней Фергане

в могильнике Охна в долине Шахримардан-сая с сопутствующим материалом VII-VIII вв. [11, С. 49–52].

Рукоять меча на росписи из дворца афшинов украшает тонко прорисованное, изогнутое навершие с головой дракона. Вероятно, перед нами изображение символического или ритуального оружия. Аналогий такого вооружения в археологическом материале раннесредневекового Согда пока не встречалось, однако если обратиться к более ранним эпохам, то интерпретация меча как символического и ритуального оружия становится более понятной на ряде примеров. Вооружение древних иранцев нашло отражение в Авесте, в частности встречается термин – меч с двумя лезвиями, двулезвийный, в некоторых случаях упоминается декорированный меч [15, С. 222–243]. Так, меч Веретрагны был гравирован золотом, покрыт чеканкой и инкрустирован. В Авесте также говорится и о символическом значении оружия. Йима, мифический правитель из династии Парадата носит кинжал как символ власти, также известны изображения зороастрийских жрецов носящих на поясе кинжал. Золотые акинаки, согласно ряду античных авторов, являлись признаком знатности и власти у персов в ахеменидское время. Геродот сообщает о поклонении акинаку у скифов как символу божества. Б.А. Литвинский, рассмотрев проблему происхождения и этимологии термина «акинак» пришел к выводу, что это понятие у древних иранцев и других народов носило характер обобщающего значения, а не четкого типологического определения в духе современной оружейведческой классификации [15, С. 222–243]. По крайней мере, в Центральной Азии этот термин продолжал применяться до IX в., о чем свидетельствует согдийская надпись на ножнах палаша из древнетюркского погребения воина на Алтае в переводе В.А. Лившица гласящая: «Этот акинак собственность Катгуна и да не будет ему вреда» [14].

К античному наследию Средней Азии относится рукоять с навершием в виде головы хищной птицы или грифона, происходящие из храма Окса в Тахти-Сангине, южный Таджикистан [15, С. 234]. Эта рукоять VI-IV вв. до н.э. связана с греко-эллинистическим оружием махайра, которая часто имела навершие в виде головы птицы или, реже, грифона. О распространении этого оружия в ахеменидское время нет надежных исторических обоснований. Тем не менее, Страбон

называет махайру оружием массагетов, а Эсхил называл все народы Азии «носящими махайры». В храме Окса находки деталей боевых парадных и votивных греческих мечей количественно превышают аналогичный материал из Греции и Малой Азии, примечательно и то, что они были изготовлены на периферии античной ойкумены. Отдельные детали, в частности, зооморфные навершия мечей встречаются в иконографии искусства Бактрии, великолепным примером чего является ажурная пряжка из погребения 3 в Тилля-Тепе в Афганистане с изображением божества на троне, навершие его меча выполнено в виде головы орла или грифона с хищным клювом [24, С. 23–34]. Вероятно, греческое вооружение продолжало существовать в регионе и после падения греко-бактрийского царства. Об этом свидетельствуют скульптура и изображения на кушанских монетах. Мечи с зооморфным навершием встречаются и в Сасанидскую эпоху. На рельефе из Дараба, где изображен коленопреклоненный Филипп Араб перед Шапуром I в знак своего поражения в 244 году, римский император вооружен мечом с навершием в виде птичьей головы [16, С. 73]. Аналогичным образом оформленные рукояти клинков демонстрирует еще более поздняя, и не менее знаменитая, скульптура четырех тетрархов, ныне украшающая площадь дождей в Венеции. В Омане (юго-восточная Аравия) в одном из погребений был обнаружен меч с навершием в виде птичьей головы. Проведенный радио-углеродный анализ дал хронологический отрезок с середины V до середины VII вв. н.э. [38, р. 127–136]. Прямых аналогий в археологическом материале декору перекрестья меча не встречается. Коленчатые кинжалы с богатой отделкой известны на материале VII в. из села Глососы на Украине. Перекрестье меча по орнаментации аналогично накладному перекрестью фрагмента меча из перещепинского клада [12, С. 172–174].

Косвенно сакральное значение меча с зооморфным навершием подтверждается изображениями на Бия-найманском оссуарии VII в., где два персонажа опираются на рукояти мечей с зооморфными навершиями [9, С. 133]. Изобразительный материал Пенджикента дает нам несколько аналогий рассматриваемому навершию, которые также свидетельствуют об элитарности подобного оружия. Так, зооморфное навершие

рукояти можно видеть на росписи, изображающей божество с надписью на согдийском «Вешпаркар».

Приведенные выше аналогии свидетельствуют о том, что оружие с зооморфным навершием подчеркивает высокий статус изображаемого персонажа – оно принадлежит либо царю, либо божеству. На наш взгляд, доминирование самой фигуры в композиции всей росписи, как и ряд других деталей изображения – элитное оружие, тканый кушак, трон с протомы коней, – указывают на божественное происхождение представленного персонажа [28, С. 60–63]. Его более точная идентификация остается спорной, интерпретации исследователей основаны на толковании символического значения деталей композиции. Так, например, протомы коней можно воспринимать как символ солнечного божества, или, согласно предположению М. Шенкаря, рассматриваемый персонаж является персонификацией бога Окса [42].

Что касается искусства коптского Египта, то надо отметить, что будучи важнейшей провинцией Римской империи в долине Нила реализовались все основные художественные течения и стили позднеантичного периода практически во всех видах, от общественных и культовых сооружений до терракоты. Кроме того, при Птолемах Александрия стала крупнейшим культурным и ремесленным центром эллинистического мира, многое из того, что было востребовано столичной элитой, создавалось именно здесь – в частности изделия из слоновой кости и упомянутая выше порфиновая скульптура четырех тетрархов. Позже в эпоху раннего халифата многое создавалось мастерами из завоеванных арабами областей, в том числе и египтянами. Поэтому в раннеисламском архитектурном декоре даже в Средней Азии есть параллели с сооружениями византийского Египта. Египетские христиане имели случай познакомиться с уроженцами Уструшаны, – согласно большинству арабских источников правитель Уструшаны Хайдар в 831–833 годах как военачальник Халифата участвовал в подавлении Башмурианского восстания в дельте Нила [30, р. 111–119].

Рассматриваемая в статье икона посвящена Святому Меркурию Каппадокийскому, жившему в III веке и почитаемому в лике великомучеников, он почитается также и мусульманами под именем Абу Сефейна (أبو سيفين). (отец с двумя мечами). Согласно житию, Меркурий был скифом по происхождению,

состоял на службе в римской армии. Участвовал в походе императора Деция (201–251 г.) против готов. В одной из битв ему явился ангел, вручивший ему меч со словами: «Не бойся, Меркурий, и не страшись, ибо я послан на помощь тебе, чтобы сделать тебя победителем. Приими сей меч и устремись на варваров; и когда победишь их, не забудь Господа Бога твоего». Меркурий принял меч и в ходе битвы убил вражеского полководца (в житии — царя), обеспечив победу римской армии. За свою доблесть он получил награду от императора и был назначен военачальником. На иконе запечатлен момент чудесного видения Василия Великого о поражении Юлиана Отступника Святым Меркурием. Однако, дело в том, что почитаемый в Египте иконографический образ святого с двумя мечами относится к XVIII веку и был создан в мастерской армянского художника османского происхождения Йоханна Аль-Армани, проживавшего в Каире. Истоки иконографии остаются не идентифицированными, тем не менее, Аль-Армани изобразил в руках святого, скифа по происхождению, мечи с зооморфными навершиями.

В свете вышеизложенного можно с большой степенью вероятности предположить, что обладатель секиры, найденной на реке Пожег в Республике Коми, имел высочайший социальный статус.

Список литературы и источников

1. Аржанцева И.А. Раннесредневековые мечи и проблема происхождения сабли. // Древний и средневековый Восток. М., 1987. С. 121–133.
2. Альбаум Л.И. Живопись Афрасиаба. Ташкент: Фан, 1975. С. 43 – 46. Рис.11, табл. XXIII.
3. Амброз А.К. Кинжалы VI–VIII веков с двумя выступами на ножнах. // Советская археология, №4. М. 1986. С. 53–73.
4. Бартольд В.В. Избранные сочинения. Т. 1. М., 1963.
5. Безуглов С.И. Позднесарматские мечи (по материалам Подонья) // Сарматы и их соседи на Дону: Материалы и исследования по археологии Дона. Ростов н/Д: Терра, 2000. № 1. С. 169–193.

6. Васкул И.О. Археологические памятники ананьинской культурно-исторической общности // Атлас Республики Коми. М.: Феория, 2011.
7. Габуев Т.А. Аланские княжеские курганы V в. н.э. у села Брут в северной Осетии. Владикавказ, 2014. С. 23, рис. 6.
8. Древности Таджикистана. Душанбе, 1985. С. 264–273.
9. Дьяконов М.М. Росписи Пянджикента и живопись Средней Азии. // Живопись древнего Пянджикента. М. 1954. С. 133, рис. 6.
10. Дьяконова Н.В. Шикшин. М., 1995. С. 252. Таб. 22.
11. Иванов Г.Л. Могильник Охна в долине Шахримардан-сая // Фергана в древности и средневековье. Самарканд, 1994. С. 49–52.
12. Залеская В.Н., Львова З.А., Маршак Б.И., Соколова В.И., Фоянкова Н.А. Сокровища хана Кубрата. Перещепинский клад. СПб, 1997. С. 172–174.
13. Косолапов А.И., Маршак Б.И. Стенная живопись Средней и Центральной Азии. СПб, 1999. С. 22
14. Лившиц В.А. Согдийский акинак на Восточном Алтае // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. СПб, 1998.
15. Литвинский Б.А. Храм Окса. Т. 2. М., 2001.
16. Луконин В.Г. Искусство Древнего Ирана. М. 1977.
17. Малашев В.Ю., Гаджиев М.С., Ильюков Л.С. Страна маскутов в западном Прикаспии. Курганные могильники Прикаспийского Дагестана III-V вв. н.э. Махачкала, 2015. С. 105–106.
18. Негматов Н.Н., Хмельницкий С.Г. Средневековый Шахристан. Душанбе, 1966. С. 6.
19. Обельченко О.В. Мечи и кинжалы из курганов Согда // Советская археология, № 4. С. 122-23.
20. Омельченко А.В. Кочевники Средней Азии в древности // Кочевники Евразии на пути к империи. Каталог выставки. СПб, 2012. С.165, кат. № 411.
21. Пугаченкова Г.А. Древности Мианкаля. Ташкент, 1989. С. 122 - 156, рис. 56, 71.
22. Распопова В.И. Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л., 1980. С. 78, рис. 49.

23. Рябцев А.Н., Семенов В.А. Ананьинская парадная секира из-под Сыктывкара // Советская археология. 1988. № 1. С. 244–245.
24. Сариниди В.И. Афганистан: Сокровища безымянных царей. М.1983. С. 23–34.
25. Семенов Вл.А. Искусство варварских племен. СПб.: НП-Принт, 2015. С. 320–321.
26. Семенов Н.В. Изображения святых на коптских стелах V-VIII веков // ТГЭ, LI, Византия в контексте мировой культуры, СПб, 2010. С.198–207.
27. Соколовский В.М. Монументальная живопись дворцового комплекса Бунджиката. СПб, 2009. Ил. 20–25, 126.
28. Шкода В.Г. К вопросу о культовых сценах в согдийской живописи // СГЭ, 1980. Вып 45. С. 60–63.
29. Belenitsky A.M. *Mittelasiens Kunst der Sogden*. Leipzig, 1980, p. 108,109.
30. Gabra G. The Revolts of the Bashmuric Copts in the Eighth and Ninth Centuries. In W. Beltz (ed.). *Die koptische Kirche in den ersten drei islamischen Jahrhunderten*. Institut für Orientalistik, Martin-Luther-Universität. 2003, pp. 111–119.
31. Kageyama E. Two-point suspension system of daggers and swords in pre-Islamic eastern Eurasia // ZINBUN, 46. – Kioto, 2016, pp.199–212.
32. Kiy E. *Karashahr // Expedition Silk Road. Journey to the west*. Hermitage Amsterdam, 2014, p. 158.
33. Kulakova L. *Warrior in Battle // Expedition Silk Road. Journey to the west*. Hermitage Amsterdam, 2014, p.186.
34. Magdi G. *An Armenian Artist in Ottoman Egypt: Yuhanna Al-Armani and His Coptic Icons*. Cairo, 2008.
35. Marshak B.I. The Miho Couch and the Other Sino-Sogdian Works of Art of the Second Half of the 6th century // *Bulletin of the Miho Museum*, vol. 4. 2004, p. 16-57, fig.6.
36. Mode M. *Sogdien und der Herrscher der Welt: Turken, Sasaniden und Chinesen in Historiengemalden des 7. Jahrhunderts n. Chr. Aus Alt-Samarqand*. Frankfurt am Main, 1993, pp. 90, 91, abb. 23, 24.
37. Mode M. *Art and Ideology at Taq-i Bustan: The Armoured Equestrian // Arms and Armour as Indicators of Cultural Transfer. The Steppes and the Ancient World from*

- Hellenistic Times to the Early Middle Ages. Halle, 2006, p. 393.
38. Potts Daniel T. Late sasanian armament from southern Arabia.// *Electrum*. Vol. 1. Krakow, 1997, p. 127–136.
 39. Scalova Z., Gabra G. *Icons of the Nile Valley*. Cairo: Longman, 2003.
 40. Semenov N. L'Art copte dans les photodocuments du peintre Ivan Ja. Bilibin // 8^e CIEC. Paris, 2004. Resume des communications (без пагинации).
 41. Semenov N. *Ustrushana// Expedition Silk Road. Journey to the west*. Hermitage Amsterdam, 2014, p.174–179.
 42. Shenkar M. *Intangible spirits and Graven images: the Iconography of Deities in the Pre-islamic Iranian World*. Leiden-Boston: Brill, 2014.
 43. Trousdale W. The long sword and scabbard slide in Asia // *Smithsonian contributions to anthropology*, no. 17, 1975, p. 95.

References

1. Arzhantseva I.A. Rannesrednevekove mechi i problema proiskhozhdeniia sable [Early medieval swords and the problem of the origin of the saber]. *Drevnii i srednevekovi Vostok* [Ancient and Medieval East]. Moscow, 1987, pp. 121–133.
2. Albaum L.I. *Zhivopis' Afrasiaba* [Afrasiab's painting.]. Tashkent: Fan Publ., 1975, pp. 43–46, fig. 11, tab. XXIII.
3. Ambroz A.K. Kinzhaly VI–VIII vekov s dvumia vystupami na nozhnakh [Daggers of the 6th - 8th centuries with two protrusions on the sheath]. *Sovetskaia arkheologiya* [Soviet archeology]. №4. Moscow, 1986, no. 4, pp. 53–73.
4. Bartold V.V. *Izbrannye sochineniia* [Selected Works]. Moscow, 1963, vol. 1.
5. Bezuglov S.I. Pozdnesarmatskie mechi (po materialam Podon'ia) [Late Sarmatian swords (based on materials from the Don region)]. *Sarmaty i ikh sosedi na Donu: Materialy i issledovaniia po arkheologii Dona* [Sarmatians and their

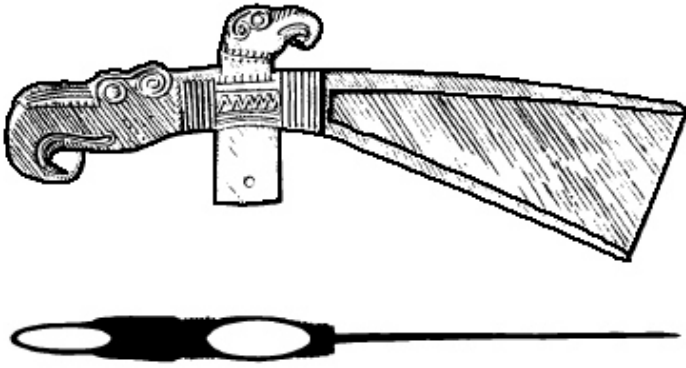
- neighbors on the Don: Materials and research on the archeology of the Don]. Rostov-on-don: Terra Publ., 2000, no. 1, pp. 169–193.
6. Vaskul I.O. Arkheologicheskie pamiatniki anan'inskoi kul'turno-istoricheskoi obshchnosti [Archaeological sites of the Ananyinsk cultural and historical community]. *Atlas Respubliki Komi* [Atlas of the Komi Republic]. Moscow: Feoriia Publ., 2011.
 7. Gabuev T.A. *Alanskie kniazheskie kurgany V v. n.e. u sela Brut v severnoi Osetii* [Alanian princely burial mounds of the 5th century AD near the village of Brut in North Ossetia]. Vladikavkaz, 2014, p. 23, fig. 6.
 8. *Drevnosti Tadzhikistana* [Antiquities of Tajikistan]. Dushanbe, 1985, pp. 264–273.
 9. D'iaconov M.M. Rospisi Piandzhikenta i zhivopis' Srednei Azii [Paintings in Pyandjikent and paintings in Central Asia]. *Zhivopis' drevnego Piandzhikenta* [Painting of ancient Pyandzhikent]. Moscow, 1954, p. 133, fig. 6.
 10. D'iaconova N.V. *Shikshin* [Shikshin]. Moscow, 1995, p. 252, tab. 22.
 11. Ivanov G.L. Mogil'nik Okhna v doline Shakhmardan-saia [Okhna burial ground in the Shakhmardan-say valley]. *Fergana v drevnosti i srednevekov'e* [Fergana in antiquity and the Middle Ages]. Samarkand, 1994, pp. 49–52.
 12. Zaleskaia V.N., L'vova Z.A., Marshak B.I., Sokolova V.I., Foniakova N.A. *Sokrovishcha khana Kubrata. Pereshchepinskii klad* [Treasures of Khan Kubrat. Pereshchepinsky treasure]. St. Petersburg, 1997, pp. 172–174.
 13. Kosolapov A.I., Marshak B.I. *Stennaia zhivopis' Srednei i Tsentral'noi Azii* [Wall paintings of Middle and Central Asia]. St. Petersburg, 1999, p. 22.
 14. Livshits V.A. Sogdiiskii akinak na Vostochnom Altae [Sogdian akinak in Eastern Altai]. *Voennaia arkheologiya. Oruzhie i voennoe delo v istoricheskoi i sotsial'noi*

- perspective* [Military archeology. Weapons and military affairs from a historical and social perspective]. St. Petersburg, 1998.
15. Litvinskii B.A. *Khram Oksa* [Temple of Oxus]. Moscow, 2001, vol. 2.
 16. Lukonin V.G. *Iskusstvo Drevnego Irana* [Art of Ancient Iran.]. Moscow, 1977.
 17. Malashev V.Iu., Gadzhiev M.S., Il'iukov L.S. *Strana maskutov v zapadnom Prikaspii. Kurgannye mogil'niki Prikaspiiskogo Dagestana III-V vv. n.e.* [The country of the Muskuts in the western Caspian region. Burial mounds of the Caspian Dagestan III-V centuries AD]. Makhachkala, 2015, pp. 105–106.
 18. Negmatov N.N., Khmel'nitskii S.G. *Srednevekovyi Shakhristan* [Medieval Shahristan]. Dushanbe, 1966, p. 6.
 19. Obel'chenko O.V. Mechi i kinzhaly iz kurganov Sogda [Swords and daggers from the mounds of Sogd]. *Sovetskaia arkhologiiia* [Soviet archeology]. no. 4, pp. 122–23.
 20. Omel'chenko A.V. Kochevniki Srednei Azii v drevnosti [Nomads of Central Asia in antiquity]. *Kochevniki Evrazii na puti k imperii. Katalog vystavki* [Nomads of Eurasia on the way to empire. Exhibition catalog]. St. Petersburg, 2012, p. 165, cat. no. 411.
 21. Pugachenkova G.A. *Drevnosti Miankalia* [Antiquities of Miancal]. Tashkent, 1989, pp. 122–156, fig. 56, 71.
 22. Raspopova V.I. *Metallicheskie izdeliia rannesrednevekovogo Sogda* [Metal products of early medieval Sogd]. Leningrad, 1980, p. 78, fig. 49.
 23. Riabtsev A.N., Semenov V.A. Anan'inskaia paradnaia sekira iz-pod Syktyvkara [Ananinskaya ceremonial poleaxe from near Syktyvkar]. *Sovetskaia arkhologiiia* [Soviet archeology]. 1988, no. 1, pp. 244–245.
 24. Sarianidi V.I. *Afganistan: Sokrovishcha bezymiannykh tsarei* [Afghanistan: Treasures of nameless kings.]. Moscow, 1983, pp. 23–34.

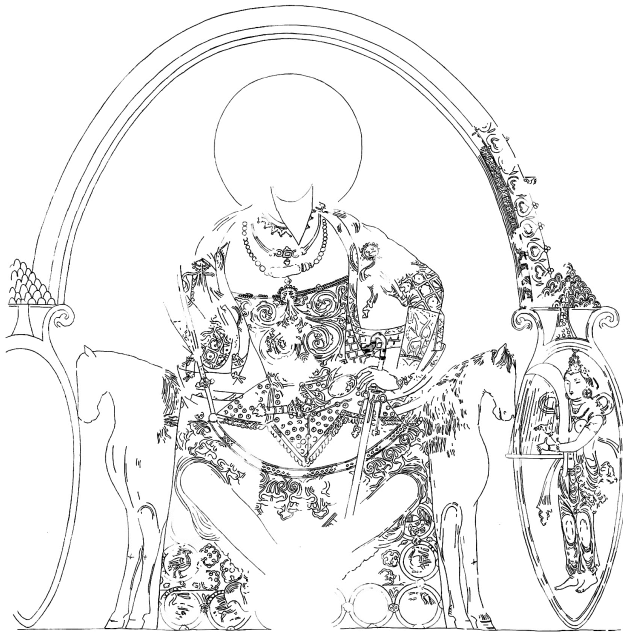
25. Smenov V. A. *Iskusstvo varvarskikh plemen* [The art of barbarian tribes]. St. Petersburg: NP-Print Publ., 2015, pp. 320–321.
26. Semenov N.V. Izobrazheniia sviatykh na koptskikh stelakh V-VIII vekov [Images of saints on Coptic steles of the V-VIII centuries]. *TGE, LI, Vizantiia v kontekste mirovoi kul'tury* [TGE, LI, Byzantium in the context of world culture]. St. Petersburg, 2010, pp. 198–207.
27. Sokolovskii V.M. *Monumental'naia zhivopis' dvortsovogo kompleksa Bundzhikata* [Monumental painting of the Bunjikat palace complex]. St. Petersburg, 2009, fig. 20–25, 126.
28. Shkoda V.G. K voprosu o kul'tovykh stsenakh v sogdiiskoi zhivopisi [On the question of cult scenes in Sogdian painting]. *Soobshcheniia Gosudarstvennogo Ermitazha* [State Hermitage Messages], 1980, vol. 45, pp. 60–63.
29. Belenitsky A.M. *Mittelasiens. Kunst der Sogden*. Leipzig, 1980, p. 108, 109.
30. Gabra G. *The Revolts of the Bashmuric Copts in the Eighth and Ninth Centuries*. In W. Beltz (ed.). *Die koptische Kirche in den ersten drei islamischen Jahrhunderten*. Institut für Orientalistik, Martin-Luther-Universität. 2003, pp. 111–119.
31. Kageyama E. Two-point suspension system of daggers and swords in pre-Islamic eastern Eurasia. *ZINBUN*. Kioto, 2016, vol. 46, pp. 199–212.
32. Kiy E. Karashahr. *Expedition Silk Road. Journey to the west*. Hermitage Amsterdam, 2014, p. 158.
33. Kulakov L. Warrior in Battle. *Expedition Silk Road. Journey to the west*. Hermitage Amsterdam, 2014, p. 186.
34. Magdi G. *An Armenian Artist in Ottoman Egypt: Yuhanna Al-Armani and His Coptic Icons*. Cairo, 2008.
35. Marshak B.I. The Miho Couch and the Other Sino-Sogdian Works of Art of the Second Half of the 6th century. *Bulletin of the Miho Museum*. 2004, vol. 4, pp. 16–57, fig. 6.
36. Mode M. *Sogdien und der Herrscher der Welt: Turken, Sasaniden und Chinesen in Historiengemalden des 7.*

- Jahrhunderts n. Chr. Aus Alt-Samarqand. Frankfurt am Main, 1993, pp. 90, 91, abb. 23, 24.
37. Mode M. Art and Ideology at Taq-i Bustan: The Armoured Equestrian. *Arms and Armour as Indicators of Cultural Transfer. The Steppes and the Ancient World from Hellenistic Times to the Early Middle Ages*. Halle, 2006, p. 393.
 38. Potts Daniel T. Late sasanian armament from southern Arabia. *Electrum*. Krakow, 1997, vol. 1, pp. 127–136.
 39. Scalova Z., Gabra G. *Icons of the Nile Valley*. Cairo: Longman, 2003.
 40. Semenov N. L'Art copte dans les photodocuments du peintre Ivan Ja. Bilibin. 8^e CIEC. *Resume des communications*. Paris, 2004.
 41. Semenov N. Ustrushana. *Expedition Silk Road. Journey to the west*. Hermitage Amsterdam, 2014, pp. 174–179.
 42. Shenkar M. *Intangible spirits and Graven images: the Iconography of Deities in the Pre-islamic Iranian World*. Leiden-Boston: Brill, 2014.
 43. Trousdale W. The long sword and scabbard slide in Asia. *Smithsonian contributions to anthropology*. 1975, no. 17, p. 95.

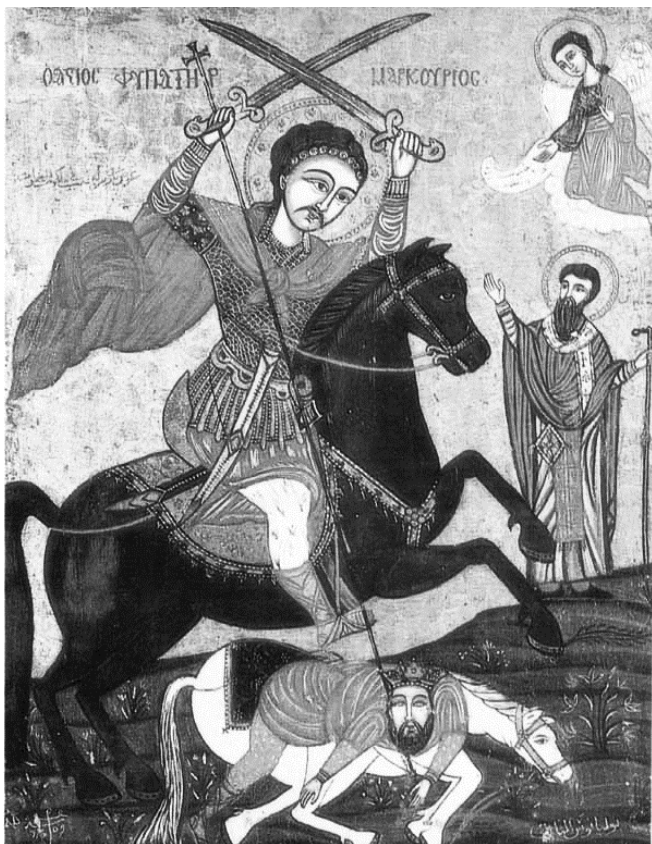
Иллюстрации

Ил.1. Бронзовая парадная секира. Прорисовка Н.В. Семенова.

Ил. 2. Роспись с изображением божества.
Прорисовка В.М. Соколовского.

Ил. 3. Святой Меркурий. Коптская икона XVIII века работы Й. Аль-Армани. Монастырь Абу Сефейна, Каир.